

первом плане – ситуация съемки, в которой эта точка зрения, более того, эта правда проявляется. Таким образом литература дает возможность «переиграть» фотографию, расставляя акценты, помогающие понять не только отдельные сюжетные ситуации, но и само соотношение между фотографией, реальностью и их интерпретацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воннегут, К.* Времятрясение / пер. с англ. В. А. Обручева, И. В. Свердлова. – М., СПб. : АСТ, Кристалл, 2001. – 224 с.
2. *Воннегут, К.* Мать Тьма / пер. с англ. Л. С. Дубинской и Д. Ф. Кеслера // Звезда. – 1991. – № 2. – С. 145–176.
3. *Воннегут, К.* Избранное: в 2 т. / пер. с англ. А. Зверева, Л. Дубинской, П. Зафинова, М. Ковалёвой. – СПб.: Вариант, 1994. – Т. 1. – 416 с.; Т. 2. – 480 с.
4. *Воннегут, К.* Сирены Титана. Колыбель для кошки. Бойня номер пять / пер. с англ. – Ставрополь, 1989. – 558 с.
5. *Зверев, А. М.* Абсурдизм по-американски / А. М. Зверев // Модернизм в литературе США. – М. : Наука, 1979. – С. 208–252.
6. *Воннегут, К.* Утопия 14 / пер. с англ. М. Брухнова. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 398 с.
7. *Воннегут, К.* Завтрак для чемпионов, или Прощай, серный понедельник / пер. с англ. Р. Райт-Ковалёвой. – СПб. : Кристалл, 2001. – 222 с.
8. *Воннегут, К.* Судьбы хуже смерти. Биографический коллаж / пер. с англ. А. Зверева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.ru/INOFANT/WONNEGUT/fates.txt>. – Дата доступа : 27.06.2017.

ПОТЕНЦИИ ЖАНРА: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ БИОГРАФИИ

Н. С. Зелезинская

Белорусский государственный университет

Достаточно неожиданно говорить о категории интертекстуальности в рамках биографического жанра. Однако литературные и литературоведческие процессы второй половины XX века затронули и этот, как казалось, статичный жанр. Трансформации биографии были также объективно вызваны изменением читательских запросов и духовной атмосферы в конце XX – начале XXI вв. Этот период отмечен значительным ростом интереса к самому жанру, что заметно и по количеству издаваемых биографий, и по теоретическим работам, стремящихся охватить предмет, жанровую форму, содержание и методологию биографики.

Основные характеристики биографии при этом остаются неизменными. Большинство современных исследователей биографического жанра считают актуальным определение О. В. Соболевской, согласно которому биография

как «жанр жизнеописания предполагает художественное или научное описание истории жизни, нацеленное на поиск и выявление истоков общественно значимой деятельности в его индивидуальном биографическом опыте. Предпосылкой создания биографии служит признание значимости этой личности для истории, культуры, политической жизни или быта в национальном или мировом масштабе. В биографии события жизни являются документальным материалом, фактографической стороной. Сюжет биографии, выявляемый автором в жизни героя или формируемый им, составляют динамика, развитие личности и его закономерности. Степень присутствия автора в биографии, мера перевоплощения его в героя и объем трансформации жизненных событий могут быть различны. Интерпретация событий жизни, их логический анализ, нравственная оценка и эмоциональное освоение в биографических жанрах могут соотноситься по-разному» [1, с. 90].

При этом ни традиционные функции, ни задачи жанра также не теряются из виду. Биография и сегодня сохраняет поучающее воздействие, формирует мораль, устанавливает образец поведения и ориентирует в ценностной системе, возможно, даже в большей степени, чем раньше, поскольку эти функции были частично утрачены другими областями гуманитарного знания: историей и литературой. В неосознанную и необозначенную эпоху после постмодернизма гуманитарная мысль перефокусировалась с глобальных процессов на субъект, а морализаторская функция перешла от больших нарративов к частной истории и тексту, которые органично смыкаются в биографии.

Изменения, произошедшие внутри жанра в последние десятилетия, особенно интересно проследить на примере повторных биографий. Повторные биографии являются одним из любопытных феноменов биографики. Они появляются не только и не столько ввиду интереса к определенной личности, в отличие от первой биографии. Новая биография появляется, когда возникают новые, ранее не известные факты в количестве достаточном, чтобы претендовать на новый угол зрения, на другой ракурс и новое видение великого человека, и из научного интереса, и ввиду «общества, бурно воспринимающего попытки авторов развеять привычные мифы» (Измайлова). Причина более объективного характера зачастую кроется в устаревшем подходе первого жизнеописания. Так, многие биографии советских времен настолько проникнуты соответствующей идеологией, что делают книгу нечитабельной или, во всяком случае, непопулярной у современного реципиента. И практически все повторные биографии подразумевают полемику (скрытую и явную) с предшествующими биографиями. Очевидно, что автор каждой последующей биографии, по меньшей мере, надеется, что его труд вытеснит предыдущие из широкого круга чтения (Эта интенция ставит также вопрос о достаточности вышеупомянутых причин для того, чтобы новая биография завладела читателем).

Насколько замысел последующих биографий завязан на уже существующих? Несомненно, делать вид, что перед исследователем чистая доска, сегодня сродни невежеству или лицемерию. Постепенно вырисовывается ситуация, когда каждая последующая биография является частью интертекста и, в зависимости от степени компетентности и открытости автора, несет определенную нагруженность аллюзиями на своих предшественников, что, конечно, усложняет задачу биографа, но обогащает читателя новыми уровнями информации. Уже сами интенции сегодняшних биографов позволяют говорить об интертекстуальности их текстов.

К размышлениям об интертекстуальной природе повторных биографий очень располагают биографии Уильяма Шекспира. Русскоязычный читатель знаком с переводными изданиями книг Г. Брандеса, Ф. Холлидея, С. Шенбаума, Э. Берджеса, П. Акройда. Но при всем интересе к зарубежным исследованиям источником знаний о Шекспире традиционно являлись работы отечественных шекспироведов (Л. Е. Пинского, А. Смирнова, Д. и М. Урновых, Ю. Шведова и др.), а источником биографических сведений служили вышедшие в серии ЖЗЛ «Шекспир» М. Морозова в 1947 г., «Шекспир» А. Аникста в 1964 г. и – после длительного перерыва – «Шекспир» И. Шайтанова в 2013 г.

Давайте просто откроем каждую из этих трех книг на логическом начале большинства биографий – рождении великого человека. Вот как пишет о появлении на свет будущего драматурга знаменитый шекспировед М. Морозов в небольшой (после дополненной) книжечке ЖЗЛ первых послевоенных лет: «Вильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года. Еще лет за восемь до рождения поэта отец его переехал из Сниттерфильда в Стрэтфорд. Он занялся выделкой кож, изготовлял кожаные перчатки, торговал шерстью, мясом, зерном и солодом. Джону Шекспиру повезло: он разбогател, купил несколько домов в Стрэтфорде, был выбран ольдерменом (городским советником), а одно время был даже городским головой. Одним словом, это был зажиточный провинциальный горожанин. В комедии Шекспира «Виндзорские кумушки», в семействах Форда и Пейджа, мы найдем ту среду, из которой вышел Вильям Шекспир» [2, с. 1–2].

Вот как описывает рождение гения ведущий советский шекспировед А. Аникст: «Старшим из детей был Уильям. Он родился в 1564 году. День его рождения неизвестен. Крестили его 26 апреля. Об этом имеется запись в приходской книге церкви Святой Троицы: «Апрель 26. К. Уильям, сын Джона Шекспира».

Буква «К» после даты означает сокращенно «крещен». Так как тогда крестили обычно через три дня после рождения, то с давних пор принято считать датой рождения Уильяма Шекспира 23 апреля 1564 года» [3, с. 13].

И вот как спустя полвека пишет о том же самом событии российский шекспировед И. Шайтанов: «Уильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года в Стрэтфорде-на-Эйвоне в семье перчаточника».

Эта фраза привычно и уверенно открывает шекспировскую биографию, но все ли в ней абсолютно достоверно?

Биограф всегда вышивает по документальной канве, расцвечивая ее красками воображения и интуиции. В случае с Шекспиром воображать или, если воспользоваться словом более родственным документальной основе, реконструировать приходится очень многое. Тем важнее расставить, как сигнальные флажки, документально подтвержденные факты и определить дистанцию допустимого удаления от них.

Помня об этом, вернемся к первой фразе.

«Отец Уильяма действительно принадлежал к цеху перчаточников... Если здесь и можно усмотреть неточность, то лишь в том, что производством перчаток дело Джона Шекспира не ограничивалось» [4, с. 16].

Сравнение семантического и эмотивного пространств этих текстов позволяет осознать глубину перемен, произошедших за те полвека, пока русскоязычное шекспироведение раздумывало над новой биографией английского гения. Между текстом середины XX века и текстом начала XXI века стоит эпоха, трансформировавшая мировую литературу по целому ряду параметров. Постмодернизм случился и умер, но изменения, привнесенные им в наше сознание, необратимы.

Как видите, не одни мы решили сопоставить тексты шекспировских биографий. Автор последней из них считает необходимым произвести это сопоставление непосредственно в своей книге. Он как бы дистанцируется от собственно текста о Шекспире, разграничивает себя как создателя данной книги и себя как исследователя предшествующих биографий, встает на позицию оценивающую, вне нарратива. Это позволяет нам вести речь о метатекстуальности как явного и скрытого критического комментария одним текстом другого.

Но и интертекстуальный подтекст уже присутствует, причем сразу на двух уровнях: текстуальном и аллюзивном.

На текстуальном уровне бросается в глаза возвращение к первой (и отвечающей современным правилам перевода топонимов) норме написания топонима «Стрэтфорд» вместо уже привычного (по предыдущим биографиям и не только) «Стратфорд». В целом книга демонстрирует внимание исследователя к слову в разных проявлениях. Явно прослеживается актуальная попытка привести к современным нормам перевода имена собственные, релевантные для биографии Шекспира и переведенные на русский язык. Действительно, осознаются ли читателем как одна персона ряды Ролей – Рали – Роли, Гесве – Хесве – Хатауэй – Хэтеуэй и/или Риотсли – Ризли, живущие на страницах русских изданий? И. Шайтанов обращает внимание русского читателя на расхождения в объеме значений слов (труппа – company; театр – stage – theatre, благородный – gentle), объясняет принятые в шекспироведении понятия и термины и приводит их на двух языках (суфлерская книга – prompt book, реконструкция по памяти – memorial

reconstruction, расчленители – disintegrators). В текст, не нарушая целостность повествования, инкорпорировано огромное количество полных и частичных цитат произведений елизаветинцев и документальных свидетельств. Внимание к слову, к тексту позволяет расставить интереснейшие акценты, например, начав разговор о проблемном поле трагедии «Гамлет» с сопоставления текстов пра-Гамлета и Гамлета 1600–1601 гг.

Что касается аллюзии, знаток шекспировской биографии сразу вспомнит об одном из «шекспировских вопросов», не дававших покоя биографам несколько столетий, а именно вопрос о профессии отца драматурга. Восточное крыло дома Шекспиров на Хенли-стрит издавна было известно как «мастерская по переработке шерсти». Однако шекспироведы и просто интересующиеся недоумевали, для чего нужна переработка шерсти перчаточнику Джону Шекспиру (о том, что он был перчаточником, знал уже каждый школьник). Сомнений добавляла фраза из первой биографии английского драматурга 1709 г., где Н. Роу называет Джона Шекспира «известным перекупщиком шерсти». В начале XIX в. хозяин данного дома уверял, что под полом нашел остатки шерсти. И только в XX в. обнаружили материалы судебного дела 1599 г., где Джон Шекспир 1599 г. обвинял своего делового партнера в неуплате двадцати одного фунта стерлингов за 21 тод шерсти, подтвердившие правоту ранних биографов. Таким образом, одна из шекспировских легенд нежданно нашла убедительное документальное подтверждение. Всю эту историю И. Шайтанов не пересказывает в своей книге, а лишь аллюзивно дает понять об осведомленности в данном вопросе, сосредотачивая внимание на более значимых фактах биографии, тех, в которых нет разночтений, например, дате рождения гения. Читаем дальше И. Шайтанова:

«Двадцати с небольшим лет перебравшись из родного Снитерфилда в Стрэтфорд, он покупал, продавал, богател, приобретал недвижимость и вес среди сограждан, которыми даже избирался бейлифом, что в небольшом городке соответствовало должности мэра.

Его старшему сыну Уильяму исполнилось тогда четыре года, если считать, что он родился в апреле 1594 года».

Уже и раньше сопоставление трех начал трех шекспировских биографий позволяло увидеть различия в модальности авторского повествования. Беглый просмотр биографии 2014 г. позволяет заметить, как изменилась модальность биографического текста. Сегодняшний исследователь знает, что ничего не знает. Если в 1947 г. можно было утверждать, что «с семилетнего возраста Шекспир ходил в «грамматическую школу» [2, с. 4], то в 2013 г. эта же мысль звучит иначе: «Шекспир не мог не посещать грамматическую школу в силу социального положения своей семьи» [4, с. 47]. В эпоху сомнений текст также осторожен: «быть может», «вероятно», «кажется», «если» рассыпаны по страницам. Нарратив наполнен вопросительными и условными предложениями. Вопросы, а не утверждения предваряют многие разделы книги: После школы: у мясника или в суде? Браконьер? Католик и учитель?

О том, что и кем могло быть украдено; Если первой была хроника; Если первым был «Тит Андроник»; Чем заполнить паузу? Какая из комедий могла быть первой? Если Джон Донн ходил в театр... Комедия для неизвестно чьей свадьбы и др. [Там же] Модальность сомнения преодолима, с точки зрения автора, лишь доказательностью. У читателя в руках не привычный по советским временам монолог, где автор уверенно излагает свое видение чужой жизни. В 1964 г. А. Аникст (не забыв о благодарности предшественникам в начале книги и о хорошей библиографии в конце) написал биографию как цельную историю на одном дыхании, историю авторскую, и автор один – Аникст. Текст И. Шайтанова несет печать постмодернистского опыта: любое утверждение ведет за собой страницы комментария, каждая фраза нагружена значениями предшествующих текстов и отмечена осознанием своего знания. Сегодняшний исследователь, как влюбленный у Умберто Эко, вынужден признаваться Шекспиру в любви, ссылаясь на других шекспироведов. Чего бы ни касалось повествование – дороги в школу, изучения латыни, ежегодных поездок в Стратфорд, открытия «Глобуса», выдачи сукна на ливрею – сознательно заняв фактологическую позицию, И. Шайтанов комментирует и аргументирует как значительные, так мелкие события. Книга цитирует или упоминает документы, значимые для установления даты, автора, места постановки, регистрации пьес.

Продолжим наше чтение: «Год и месяц сомнения не вызывают, поскольку в приходской книге церкви Святой Троицы священник Джон Бретчгедл 26 апреля 1564 года сделал запись:

Gulielmus filius Johannes Shakespere.

О чем эта запись способна нам поведать?

Хотя она и сделана на латыни, но очевидно, что написание фамилии Шекспира не совпадает с тем, которое принято теперь – Shakespeare. Это свидетельствует о неустойчивости орфографии в английском языке тюдоровской эпохи» [9, с. 16]. Далее следует абзац-доказательство, за которым стоят тома историков языка и графологов. За ним – абзац о роли латыни в жизни английского общества в XVI веке. Уже само слово «латынь» в контексте биографии Шекспира настолько обросло интертекстуальными смыслами, что в контексте скромной церковной записи почти не воспринимается, а отсылает нас к Бену Джонсону и его «small Latin and less Greek» и еще дальше – непосредственно к вопросу об авторстве.

В середине XX века блестящий шекспировед М. Морозов отвел главе «Вопрос об авторстве» девять страниц книги и считал его решенным и более не актуальным, поясняя: «Хотя эта проблема, возбудившая одно время страстные споры, и не имеет серьезного основания, мы не можем обойти ее молчанием» [2, с. 229]. А. Аникст вообще не счел нужным заострять внимание на проблеме авторства, возможно, и в силу идеологических причин. Но, оказалось, рано говорить о ней в прошедшем времени. «Шекспировский вопрос», хоть и имеет старые корни, расцвел на почве постмодернизма.

Вполне логично, поскольку именно постмодернизм оперирует такими понятиями, как когнитивный релятивизм, закат больших нарративов, деконструкции, принципиальный плюрализм, пересмотр исходных презумпций. Место истины в традиционном понимании занимают игры истины, самодостаточные в своей плюральной процессуальности и не результирующиеся в истине как финальной величине. На наш взгляд, игры истины (вне зависимости от осознания авторами своего участия) представляются закономерным движением во второй половине XX века, в том числе и на богатом материале шекспировской биографии. На постсоветском пространстве восторжествовали чудесным образом соединенные ощущение новизны постмодернизма и ощущение обретенной идеологической свободы. Движения детерриторизации и дестратификации книги как таковой захватили многих российских литературоведов во главе с И. Гилюмовым, а также многочисленных любителей детективов. Немалую роль сыграл и «новый историзм», принесший популярность попыткам связать тексты разных уровней, увидеть жизнь барда в тексте и наоборот. Однако плюральность поисков автора шекспировского канона не вылилась в создание некоей альтернативной устойчивой структуры: полученные результаты оказались взаимоисключающими: все возможные кандидатуры названы, но ни одному апологету не удалось привести достаточно доказательств, лишь опровергнуть альтернативные варианты. Эти альтернативные версии в России распространились столь широко, что по количеству перекрыли стратфордские биографии. Уже чуть ли не хорошим тоном считается иронично-отстраненное «некто Уильям Шекспир» [5, с. 6] и гордый «отказ от постулатов шекспироведения» [Там же, с. 7]. Поэтому читателю необходимы вразумительные объяснения и от традиционного шекспироведения.

Дж. Шапиро проанализировал механизм возникновения антистрэтфордских версий и уделил их развенчанию целую книгу под ироничным и очень аллюзивным названием «Оспоренное завещание. Кто же писал за Шекспира?» [6]. Многие серьезные шекспироведы сегодня занимаются исследованием небольшого фрагмента биографии, желая изъять из арсенала антистрэтфордианцев определенный период жизни драматурга. Российский биограф И. Шайтанов ставит своей целью хронологическое разгадывание антистрэтфордских «загадок». Исследователь последовательно расставляет точки над *i*: предполагает, куда пропали из завещания рукописи и книги, указывает на существование образца почерка драматурга, приводит свидетельства У. Давенанта, Р. Грина, Б. Джонсона и др., рассуждает о том, умел ли писать мэр Стратфорда, может ли гений хорошо зарабатывать, оценивает школьные познания в латыни, их необходимость в успехе пьес, доступность источников сюжетов, сравнивает количество информации об эйвонском лебеде. В «Шекспире» отдельные фразы и даже разделы звучат как ответы на чужие (антистрэтфордские) реплики. Легко строит И. Шайтанов диалог не только с антистрэтфордианцами, но и с предшественниками. Он коммен-

тирует бахтинскую трактовку Шекспира, цитирует А. Веселовского и Л. Пинского, рассыпает пушкинские и гоголевские аллюзии. В результате биография переходит в регистр «интертекстуального диалога» (У. Эко). Однако наибольшую диалогичность сообщает книге разговор с читателем.

До постмодернизма не могло появиться биографии, в которой автор предлагает читателю перейти из оппозиции говорящий-слушающий к диалогу, задавать все шекспировские вопросы, отмечать разные точки зрения, вступать в полемику, давать вариативные ответы, не навязывая свою точку зрения и позволяя себе сомневаться. Сегодня такой режим общения становится нормой. Э. Берджесс заигрывает с читателем не только во «Влюбленном Шекспире», но и в претендующей на научность биографии «Шекспир» [7]. Питер Акройд при всей фактологической скрупулезности не прочь использовать собранные факты в развлекательных целях. Уже на первой странице его «Шекспира» читатель впечатлен младенцем Уильямом, накормленным «растертыми заячьими мозгами, которые в Уорикшире обычай предписывал давать новорожденному» [8, с. 15]. Наконец-то и русскоязычному читателю позволено узнать, из каких кирпичиков складывается биография гения, увидеть неприглаженность и неопределенность фактов, неясность документов, нечитабельность почерков, ненадежность свидетельств – автор приглашает вместе разбираться в разрозненных материалах, ведет нас туманными дорожками догадок, удерживая, правда, на твердой почве научности, что, конечно, не просто, учитывая, какие возможности к интерпретации открывает биография Шекспира. В новейших биографиях отчетливо определяются «все три измерения текстового пространства, в котором происходит оперирование различными семными комплексами и поэтическими синтагмами. Эти измерения таковы: субъект письма, получатель и внеположные им тексты (три инстанции, пребывающие в состоянии диалога). В этом случае статус слова определяется: а) горизонтально (слово в тексте одновременно принадлежит и субъекту письма, и его получателю) и б) вертикально (слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных текстов – более ранних или современных)» [9, с. 436].

Открытая в три измерения биография английского драматурга открыта еще и вовнутрь. Она не конечна по своей сути: на сегодняшний день практически постулатом является невозможность какой-либо единой не подлежащей сомнению истины касательно фактов жизни Уильяма Шекспира. Современные биографы заняты противоречащими друг другу стратегиями: разыскать недостающие факты, восстановить сведения об утраченных годах, и в то же время отсеять выдуманные ненадежные версии. В результате путь шекспироведения очень напоминает путь Сизифа, а значит, по одной дороге исследователи проходят не единожды. Это дает нам право сказать, что шекспировская биография же в силу своей природы становится заложницей интертекстуальных штудий. Материал шекспировской жизни – идеальная

база для создания самого ненадежного нарратива, что приходит в оппозицию с сутью биографии – «осмыслением истории жизни личности» [1, с. 91]. Возможно, это противоречие является одной из причин разночтения одних и тех же фактов и, как следствие, порождения многочисленных биографий и псевдобиографий Уильяма Шекспира.

Шекспировская биография сегодня пишется и читается, как у Гадамера, когда «все сказанное обладает истиной не просто в себе самой, но указывает на уже и еще не сказанное... И только когда несказанное совмещается со сказанным, все высказывание становится понятным». Последнее особенно актуально для вопроса о шекспировском каноне, имеющем на сегодняшний день тенденцию к расширению и значительному сопротивлению ей со стороны большинства серьезных шекспироведов. Поэтому даже НЕупоминание определенных пьес (апокрифов) настолько четко обозначает позицию автора в этом вопросе, что исключает необходимость в ее экспликации.

Своеобразной прививкой (по Деррида) по отношению к текстам Шекспира можно рассматривать не только апокрифы, но и легенды о великом барде, которые гораздо легче проникают в официальную биографию. Ничтожно малое количество документальных свидетельств вызывает соблазн «позволить себе расширить сферу рассмотрения настолько, чтобы включить в нее апокрифические истории и легенды, так или иначе возникающие вокруг имен великих людей сразу же после их смерти» [10, с. 25].

В свете вышеописанных тенденций шекспировской биографии вполне справедливо для нее оказывается известное суждение М. Бахтина о включении текста в жизнь истории и общества, в свою очередь рассматриваемых в качестве текстов, которые писатель читает и, переписывая их, к ним подключается. Так, «линейная история оказывается не более чем одной из возможных абстракций; единственный способ, которым писатель может приобщиться к истории, заключается в том, чтобы преодолеть эту абстракцию с помощью процедуры письма-чтения, то есть создавая знаковую структуру которая либо опирается на другую структуру, либо ей противостоит» [9, с. 450]. Таким образом, любой новый текст биографии Шекспира вбирает в себя все предшествующие биографические тексты и является репликой в их сторону. Это утверждение будет справедливо для любой повторной биографии.

Данный факт имеет несколько последствий.

Во-первых, размываются границы биографического жанра. Так, например, И. Шайтанов развлекает читателей «вставной новеллой» (балладой?) о браконьерстве. В главе об «утраченных годах» в духе Дж. Фаулза он практически предлагает читателю самому выбрать занятие для юного Шекспира. И даже будто принимает правила детектива, ставшие нормой для антистрэтфордских трудов (частично тоже в силу постмодернистского давления), но исключительно формально – детективная составляющая структурирует текст более интересно, нежели сухая хронология. Читателю

даже предлагают поучаствовать в расследовании, проанализировать «улики» и «допросить свидетелей». Но, конечно, в конце книги не выскакивает, как чертик из табакерки, очередной ретленд, и жанровое заигрывание оборачивается сквозной иронией по отношению к антистрэтфордианцам, которые не пощадили сил и времени на расшатывание жанровой границы между беллетристикой и документалистикой, где биографии и без того нелегко балансировать.

Во-вторых, стираются различия и между поджанрами: определить границу между научной и художественной биографиями сегодня очень сложно (также и в результате того, что крайне занимательное бытописание было в прошлом веке возведено в ранг серьезных научных достижений).

В третьих, следует признать, что потенции жанра биографии оказались гораздо шире, чем мы привыкли о них думать. За те полвека, что российское шекспироведение размышляло над новой личностью Шекспира, биографический жанр вобрал и переработал опыт постмодернизма, трансформировался и в своем новом качестве вызвал небывалый ранее интерес. Высочайший интерес к жанру биографии можно объяснить переосмыслением личностных ценностей при смене парадигм и/или желанием опереться на совершенный образец в неустойчивую эпоху смены веков. Поиск этого образца невозможен без осознания, признания и освоения чужого опыта внутри своего, что вводит интертекстуальность в число целого ряда новоприобретенных характеристик жанра биографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соболевская О. В.* Биография / Литературная энциклопедия терминов и понятий; под ред. А. Н. Николюкина. – М. : Интелвак, 2001. – С 91–92.
2. *Морозов, М.* Шекспир / М. Морозов. – М. : Молодая гвардия, 1947. – 280 с.
3. *Аникст, А.* Шекспир / А. Аникст // Жизнь замечательных людей. – М. : Молодая гвардия, 1964. – 368 с.
4. *Шайтанов, И.* Шекспир / И. Шайтанов // Жизнь замечательных людей. – Москва : Молодая гвардия, 2013. – 474[6] с.
5. *Степанов, С. А.* Шекспировы сонеты, или Игра в игре / С. Степанов. – СПб. : Амфора : Седов, 2003. – 549 с.
6. *Shapiro, J.* Contested will. Who wrote Shakespeare / J. Shapiro. – L., 2005.
7. *Burgess, A.* Shakespeare / A. Burgess. – N. Y. : Carroll and Graf Publishers, 2002 .
8. *Акройд, П.* Шекспир. Биография / П. Акройд. – М. : КоЛибри, 2010. – 734 с.
9. *Кристева, Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 427–457.
10. *Шенбаум, С.* Шекспир / пер. с англ. А. А. Аникста, А. Л. Величанского; вступ. ст. А. А. Аникста. – М. : Прогресс, 1985. – 432 с.